

Алла Белолипецкая

случай кузьмы алтынова,
купца-колдуна

Алла Белолипецкая

Случай Кузьмы
Алтынова, купца-колдуна

«Автор»

2026

Белолипецкая А. В.

Случай Кузьмы Алтынова, купца-колдуна / А. В. Белолипецкая —
«Автор», 2026

Уездный среднерусский город Живогорск — вотчина купцов-миллионщиков Алтыновых. Но глава их рода — не только гений коммерции. В секретном подвале своего особняка Кузьма Петрович Алтынов хранит атрибуты для немислимых обрядов, искусством проведения которых он овладел в совершенстве. Ему не нужны для них ассистенты, но осенью 1856 года случай приводит к нему отчаявшегося человека, который по собственной воле готов участвовать в ритуале некромантии. Ибо никак иначе ему не распутать дело об убийстве, случившемся двадцать пять лет назад, и не спастись от рук убийцы самому. Рассказ примыкает к романам серии "Нечисть уездной России", но обладает полностью независимым сюжетом.

© Белолипецкая А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Случай Кузьмы Алтынова, купца-колдуна

Глава

1

Для чего предназначался секретный подвал, обустроенный в особняке Алтыновых на Губернской улице, не ведали ни рабочие, прятавшие его за фальшивой стеной, ни даже архитектор, спроектировавший этакую *крипту*. И Кузьма Петрович Алтынов, купец-миллионщик, самый состоятельный житель уездного города Живогорска, рассчитывал: то, что он в этом подвале прячет, останется сокрытым от посторонних глаз навсегда. Но — самонадеянность наказуема. Да, единственный, кому Кузьма Алтынов сообщил о содержимом и предназначении подвала, был его зять и деловой партнер: Петр Филиппович Эзопов — муж его дочери Софьи. Его-то купец первой гильдии человеком со стороны не считал! Однако не учёл, что Петра Эзопова связывают семейные узы и с другими не чужими ему людьми.

Один из тех, кто входил в его семейство, и стоял октябрьским днем 1856 года в кабинете Кузьмы Петровича, напротив большого письменного стола, за которым восседал хозяин, не предлагавший своему нежданному гостю присесть. На стене, от гостя противоположной, висел поясной портрет императора Александра Николаевича, взошедшего на престол в прошлом году. Однако на изображение государя визитёр не посмотрел ни разу: не отводил взгляда от купца первой гильдии.

— Вы, милостивый государь, видимо, неверно истолковали слова вашего родственника, — проговорил Кузьма Алтынов. — И просьбу вашу я нахожу странной и неуместной. Я тотчас вызову дворецкого, и он вас проводит к выходу — чтобы вы ненароком не заплутали в моем доме.

И Кузьма Петрович протянул руку к стоявшему на столе колокольчику, как если бы и вправду собрался в него позвонить.

Однако посетитель не ступал: продолжал глядеть на Кузьму Петровича серьезно и твердо. То был мужчина лет тридцати пяти: довольно высокий, темноволосый, облаченный в отлично сшитый сюртук. Звался сей господин Юрием Андреевичем Свистуновым, и его жена, красавица Ольга Филипповна, приходилась младшей сестрой Петру Филипповичу Эзопову. Женщины были слабостью Кузьмы Петровича — он знал это лучше всех. Да и сам он пользовался у них немалым успехом: не старый ещё вдовец с миллионным состоянием. И, хотя волочиться за замужней сестрой своего зятя — это было бы чересчур даже для него, не вспомнить о госпоже Свистуновой он никак не мог.

А Юрий Андреевич между тем проговорил:

— Не будь у меня крайних обстоятельств, я и сам с подобной просьбой никогда к вам не обратился бы. И прямо вам скажу: ещё недавно я поднял бы на смех всякого, кто заявил бы, что *такое* вообще возможно. Но сейчас я не вижу иного выхода, кроме как искать вашей помощи. Отклонить то приглашение я не могу: в письме, которое я получил, прямо было сказано, что на этой встрече я смогу похлопотать об облегчении участи моего родственника, отправленного в Сибирь после восстания 1825 года. Срок его каторги давно истек, но он остается в Тобольске — ему не разрешают проживать в центральных губерниях России. А мне дали понять: этот вопрос можно было бы решить. Упустить такую возможность — значило бы подвести семью, к которой я принадлежу.

— А вы, стало быть, предпочтёте подвести самого себя? — не удержался от колкости Кузьма Петрович. — И заодно — жену вашу и малолетнего сына?

Впрочем, за эти слова купец первой гильдии тут же себя укорил. И даже не из-за того, что взял подобный тон в разговоре с представителем одного из первых дворянских родов губер-

нии. Нелюбезный тон — это была ерунда. Хуже было, что он втягивался в беседу со своим визитером. Которого в действительности он не рискнул бы выпроводить из дому силой. Ведь кто мог знать, о чём тогда станет болтать в городе господин Свистунов? И Кузьма Петрович уже в третий или четвертый раз подряд проклял мысленно своего зятя, который оказался столь несдержан на язык.

Посетитель же опустил глаза, но лишь на пару мгновений — потом снова встретился взглядом с Кузьмой Алтыновым. После чего выговорил — тихо и непримиримо:

— Я знаю, что на кону. И, уж поверьте, никакого желания умирать не испытываю. Мне лишь недавно исполнилось тридцать пять. И вы правы: у меня есть жена и сын — которому сейчас десять лет. Столько же, сколько было мне, когда убили моего отца. И, ежели вы не поможете мне узнать, кто его убил, я, скорее всего, повторю его судьбу.

Пока они разговаривали, на улице поднялся такой сильный ветер, что со старого клёна, росшего рядом с домом, сорвалась целая пригоршня багряных листьев. И они моментально прилипли к стёклам в окнах кабинета — похожие на отгиски окровавленных лап некоего фантазмагорического зверя. А ещё — благодаря прилипшей листе на оконном стекле возникло подобие зеркала, в котором Кузьма Петрович увидел себя самого: мужчину, который и в шестьдесят сохранил густые чёрные волосы и бороду почти без седины. Про себя он отметил: лицо его выражает сейчас недовольство, однако и подобие сочувствия в нём просматривается.

Но всё-таки Кузьма Петрович искривил губы в усмешке:

— И вы знаете, по какой причине кто-то из этих людей четверть века назад убил вашего отца? Что, эта причина до сих пор в силе? И она побудит давнишнего убийцу разделаться с вами?

— В том-то и дело, что видимой причины не было! — с горячностью воскликнул Юрий Андреевич. — Потому-то это дело тогда и закрыли. Вынесли вердикт: смерть в результате несчастного случая.

— Но у вас иное мнение.

— А какое у вас было бы мнение, если бы через двадцать пять лет после гибели вашего отца на охоте вас пригласили поохотиться те же самые люди, которые были с ним рядом, когда он получил пулю в спину? Да ещё — на те же самые числа охоту запланировали бы?!

И тут Кузьма Петрович впервые поглядел на посетителя с интересом — даже напрягся слегка.

— О каких числах идет речь?

— Охота намечена на девятнадцатое и двадцатое октября.

Кузьма Петрович коротко выдохнул, а потом указал-таки посетителю на расположенное по другую сторону стола кресло. И Юрий Андреевич с видимым облегчением опустился в него.

— Вам известно, что эти даты означают? — спросил купец первой гильдии.

— Разумеется. — Его гость кивнул. — Наше девятнадцатое октября — это тридцать первое в Европе. На этот день приходится кельтский праздник Самайн.

— А ещё, — прошептал Кузьма Петрович еле слышно — скорее для себя самого, чем для посетителя, — двадцатое октября у нас — это первое ноября за границей. *Día de los Muertos* — День Мертвых, когда поднимается занавес между нашим миром и другой стороной...

Однако Юрий Андреевич его услышал.

— Именно так. — Он выдавил улыбку. — Раньше я в такие вещи не верил, но...

— Неважно, во что верите вы, — перебил его купец первой гильдии. — Гораздо важнее, во что верят эти славные охотники. А ещё — почему кто-то из них решил сделать своею добычей вначале вашего отца, а потом вас?

Казалось, Юрия Андреевича ничуть не напугали слова, что его избрали добычей. Это, по всем вероятностям, он и сам понимал. Так что — при словах Кузьмы Петровича он улыбнулся уже широко и искренне.

— Так, стало быть, вы поможете мне этих людей уличить? Я, впрочем, не уверен, что они действовали купно... Возможно, в убийстве был повинен лишь кто-то один из них.

Кузьма Петрович ничего не отвечал целую минуту; ему нужно было все обдумать. Но посетитель ничего не переспрашивал — ждал, когда ему ответят. И купец первой гильдии, наконец, произнёс:

— Сегодня у нас пятнадцатое октября. Приходите ко мне через два дня, к десяти часам вечера — я должен всё подготовить для вашего дела. И, если ваш отец и вправду был убит, в ночь с семнадцатого на восемнадцатое я выясню имя его убийцы.

«Если только Андрей Свистунов сам его знал», — прибавил купец-миллионщик про себя.

А лицо Юрия Андреевича озарилось чистой радостью — которую, впрочем, почти тотчас сменила деловитая озабоченность.

— Мне нужно будет что-то с собой принести? — быстро спросил он. — Может быть, что-то из личных вещей моего отца?

— Они не понадобятся, — сухо сказал купец первой гильдии. — Вашего присутствия будет достаточно.

И он задался вопросом: а стал бы господин Свистунов так настаивать на этом *выяснении*, ежели знал бы, какая роль ему самому будет в нём предназначена?

2

Подготовка заняла у Кузьмы Петровича почти всё время, до минуты, какое он для этого определил. И, когда семнадцатого вечером часы в его кабинете пробили десять, и господин Свистунов появился на его пороге, купец первой гильдии только-только успел расположить необходимые атрибуты в своём подвале — том самом, что прятался за фальшивой стеной. И туда же Кузьма Алтынов отнёс три карсельские масляные лампы. Свет они давали, быть может, и не очень яркий, зато ровный — именно то, что требовалось купцу первой гильдии.

Все приготовления ему пришлось совершать в одиночку. Даже своего зятя Петра Эзопова он не стал бы привлекать к такому делу. Конечно, тот знал, какое содержимое хранится в дубовом сундуке, что стоял в потайном подвале. Однако теперь с этим *содержимым* Кузьме Петровичу пришлось проделывать такие манипуляции, какие фразировали бы даже господина Эзопова. Хотя Пётр Филиппович — недоучившийся студент медицинского факультета Петербургского университета — сам доставлял тестю обработанные особым образом человеческие черепа, которые теперь этот сундук заполняли. Нет, лекарь-недоучка никого не убивал! В губернии существовали поселения, жители коих по сей день не хоронили на кладбищах *опивцев*: тех, кто умер от пьянства. Их тела попросту топили в близлежащих болотах. Так что Петру Филипповичу оставалось лишь нанимать людей, чтобы они извлекали из трясины такие останки и передавали ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.